

азиатов, от которых отличался только северорусским типом, белыми волосами и голубыми глазами».²⁷ После смерти Самсонова по его завещанию он получил капитал, составлявший десять тысяч. Тогда же он уезжает в Ташкент и основывает там свою торговлю.

Но особенно хорошо знаком был Достоевскому купец Федор Степанович Степанов. Во-первых, у него квартировал А. Е. Врангель, во-вторых, Достоевский давал уроки математики 12-летней племяннице купца Марине. Да, вероятно, Достоевскому было и просто приятно встречаться с этим человеком. Отец его, русский купец Степан Степанов, много сделал для налаживания торговых отношений России и Востока, мать — казашка. Он закончил томскую гимназию с отличием, считался одним из образованных купцов Семипалатинска. С 1854 г. Степанов 16 лет был почетным блюстителем семипалатинских училищ. Ежегодно на нужды учебных заведений он выделял 300 рублей серебром, на его средства ежегодно проводился ремонт учебных зданий, а в 1858 г. он выделил деньги на строительство нового каменного здания училища. Благодаря его стараниям в семипалатинских училищах были лучшие библиотеки среди всех учебных заведений Томской губернии.²⁸

Так в результате исследований, проведенных в архивах Томска, Барнаула, Омска и Астрахани, удалось найти дополнительные сведения о семипалатинском окружении Ф. М. Достоевского. Все эти материалы дают возможность не только лучше узнать семипалатинский период жизни писателя, но и понять полнее его творчество.

---

²⁷ ГААК, ф. 163, о. 1, д. 2.

²⁸ ГАТО, ф. 125, о. 2, д. 106.

Б. В. ФЕДОРЕНКО

К ИСТОРИИ ГАЗЕТЫ-ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН»

1

Во вступительной заметке к примечаниям XXI т. ПСС Ф. М. Достоевского историю «газеты-журнала политики и литературы» «Гражданин» открывают слова: «основан в январе 1872 г. князем В. П. Мещерским» (21, 360). Далее вперемежку приводятся сведения, взятые из воспоминаний Мещерского, автобиографических записей Г. К. Градовского, рабочей тетради Достоевского, писем А. Н. Майкова, архивных материалов, опубликованных в 1921 г.

В заметке подчеркивается, что Мещерский ясно представлял себе все сложности осуществления задуманного на деле. «... программа издателя и его имя не могли обеспечить изданию особой популярности. Поэтому в качестве первого редактора „Гражданина“

он пригласил в 1872 г. либерального публициста Г. К. Градовского» (21, 360).

Что же касается участия в журнале Достоевского, то вопрос о его редакторстве «решился 15 декабря 1872 г.» (21, 361). На следующий же день Мещерский, Градовский и Достоевский «обратились в Главное управление по делам печати с совместным заявлением, датированным 15 декабря, в котором просили утвердить Достоевского ответственным редактором „Гражданина“ взамен Градовского» (21, 361).

Не откладывая, следовало также определить отношение к этому III Отделения. «Несмотря на то, что политические убеждения Достоевского после „Бесов“ не должны были, казалось бы, вызывать тревоги у властей, он продолжал находиться под негласным надзором полиции. . .» Поэтому III Отделение, куда 16 декабря 1872 г. обратился В. П. Мещерский за разрешением передать редактуру Достоевскому, ответило, что оно „не принимает на себя ответственности за будущую деятельность этого лица в звании редактора“ (21, 361—362). 20 декабря 1872 г. Главное управление по делам печати уведомило Петербургский цензурный комитет, «что по ходатайству Мещерского Достоевский утвержден ответственным редактором „Гражданина“» (21, 362). «Свидетельство об этом Достоевский получил 31 декабря» (21, 362).

Редактор всякого издания всегда и во всех случаях лицо ответственное, и Достоевский в своей «подписке» от 15 декабря 1872 г. указывает на обязательства «в качестве ответственного редактора».¹ Однако во всех канцелярских бумагах его называют «редактором» «Гражданина». «Свидетельства» об утверждении «ответственным редактором» Достоевский не получал. Свидетельство от 31 декабря 1872 г. было выдано ему в удостоверение права его «издавать в С.-Петербурге, без предварительной цензуры, журнал, под названием „Гражданин“, по утвержденной программе».²

В отношении Главного управления по делам печати от 20 декабря 1872 г. Петербургскому цензурному комитету вменялось «к надлежащему сведению», что «собственник журнала» Мещерский, и «издатель-редактор онаго» Градовский, и «отставной подпоручик Федор Достоевский» заявили «о переходе права издания означенного журнала от Градовского к Достоевскому, который вместе с сим утвержден г. министром внутренних дел и в звании редактора сего журнала».³ Не ходатайство Мещерского, а совместное прошение трех названных и заинтересованных лиц о переходе права издания «Гражданина» к Достоевскому, который «вместе с сим» утвержден в звании редактора.

Отказ III Отделения относительно ответственности за деятельность Достоевского как редактора совсем не связан с тем, что он

¹ ЦГИА, ф. 776, оп. 5, 1871, № 95, ч. 1, л. 65.

² Там же, л. 73.

³ Там же, л. 69.

продолжал оставаться под полицейским надзором. В отказе сказались постоянная опаска и всегдашнее недоверие ко всем ищущим подобное звание. Не избежал этого и Градовский, успешно, не в пример Достоевскому, осиливавший служебные высоты: чиновник по особым поручениям при киевском генерал-губернаторе, не менее значащее место в Министерстве государственных имуществ. Когда заведующий Главным управлением по делам печати обратился 9 августа 1871 г. с запросом в III Отделение по поводу ходатайства Градовского на звание редактора «Гражданина», из Отделения ответили, что в настоящее время в Отделении «нет неблагоприятных сведений об упоминаемом в том отношении надворном советнике Григории Константиновиче Градовском и что III Отделение не принимает на себя ответственности за будущую деятельность этого лица в качестве редактора газеты».⁴

Разумеется, Мещерский в III Отделение «за разрешением передать редактуру „Гражданина“ Достоевскому» не обращался. Выглядело бы это как некая странность с его стороны и, конечно, было бы отнесено к непозволительным нарушениям принятого порядка. 16 декабря 1872 г. отношением 5587 Главное управление по делам печати «предварительно каких-либо распоряжений» просило III Отделение об уведомлении «не встречается ли с его стороны препятствий» к утверждению Достоевского редактором.⁵

Вопреки содержащемуся в заметке заверению составителями прошения дата на документе не обозначена. Видимо, взаимного соглашения Достоевский, Градовский и Мещерский достигли ранее 15 декабря 1872 г., потому что, во-первых, Достоевский уже 15 декабря дополнительно составил и подписал «подписку» о своей редакторской ответственности и, во-вторых, прошение с положенными отметками, номером и датой 16 декабря 1872 г., прошло через канцелярию Главного управления по делам печати, было рассмотрено, и уже рассмотренное явилось основанием подготовленного 16 декабря запроса в III Отделение.

Достоевский занимался делами журнала «Гражданин» всего только один год и четыре месяца. 20 апреля 1874 г. по его просьбе от 19 марта 1874 г. и по решению Главного управления по делам печати редакторские обязанности перешли к новому, временному редактору. Ему же Достоевский передал право на издание журнала, о чем известил Управление просьбой от 24 апреля 1874 г. Все было исполнено спокойно и вполне отвечало составленному Достоевским сообщению, явившемуся в «Гражданине»: «Ф. М. Достоевский, по расстроенному здоровью, принужден, не оставляя по возможности своего постоянного участия в „Гражданине“, сложить с себя обязанности редактора журнала».⁶

Градовский покинул редакцию «Гражданина», испортив вконец свои отношения с Мещерским. Как отмечает Мещерский, он разо-

⁴ ЦГИА, ф. 776, оп. 5, 1871, № 95, ч. 1, л. 20.

⁵ Там же, л. 66.

⁶ ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1871, № 74, лл. 54, 55; см. также 21, 544

чаровался в Градовском и «после нескольких маленьких стычек, чтобы избежать более крупных недомолвок, мы пришли к мысли, что союз наш должен расторгнуться по взаимному соглашению».⁷ По словам Градовского, год, проведенный с Мещерским, был самым несчастным временем жизни и литературной его деятельности. «Осенью, — пишет Градовский, — я предложил князю Мещерскому: или передать мне вполне право на „Гражданин“, или освободить меня от выполнения заключенного нами на два года контракта. Переговоры по этому поводу длились до конца 1872 года (первого года издания), когда Ф. М. Достоевский согласился занять мое место».⁸

Но почему Градовский предлагал ему передать «вполне право» на журнал? Чем объясняется подобное не предложение даже, а требование? Почему столь долго тянулись переговоры? Была ли, наконец, необходимость в этих тягостных переговорах? Ответы на все эти вопросы определенно заключены в документах, оставшихся вне вступительной заметки. Однако прежде чем перейти к их изложению, отметим следующее.

Градовский, юрист по образованию, заниматься журналистикой начал будучи еще студентом Киевского университета. После переезда в Петербург писал для «Петербургских ведомостей», получил предложение быть вторым редактором этой газеты, одно время по поручению М. Н. Каткова представлял в столице редакцию «Московских ведомостей». Журналистская практика Мещерского до «Гражданина» определяется двумя статьями.

В автобиографии Градовским записано: «В конце 1871 года князь В. П. Мещерский задумал издавать еженедельную газету „Гражданин“ по самой широкой программе».⁹ В его же статье «Роковое пятилетие» отмечено: «В 1872 году я имел неосторожность сообразиться ролью редактора „Гражданина“».¹⁰

Мещерский в своих «Воспоминаниях» указывает на время и обстоятельства, связанные с началом издания «Гражданина»: «Осенью этого года (1871) я начал серьезно собираться издавать журнал „Гражданин“».¹¹ «В начале осени в саду обители я вел беседу (. . .) об этом самом предмете».¹² «Отыскать редактора — явилось первым затруднением. Затем явилось и второе (. . .) денежные средства. . .».¹³ «И вот в конце осени 1871 года я встретился с ним (купцом и фабрикантом) в Москве (. . .) Явилось несколько других жертвователей (. . .) и, таким образом, второе препятствие было устранено. . .». «Первое препятствие устранилось тоже в конце года. Я нашел редактора в лице (. . .) Г. К. Градовского. . .».¹⁴

⁷ Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2. С. 175.

⁸ Публицист-гражданин: Литературный сборник, посвященный памяти Г. К. Градовского. Пг., 1916. С. 8.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Градовский Г. К. Итоги (1862—1907). Киев, 1908. С. 4.

¹¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2. С. 157.

¹² Там же. С. 160.

¹³ Там же. С. 162.

¹⁴ Там же. С. 163.

Нетрудно заметить, оба называют осень и конец года, упоминают о задуманном издании. Но ни достаточно опытный журналист, ни только что начинающий не указывают на отношение к «задуманному» Главного управления по делам печати, не раскрывают содержание «самой широкой программы» «издателя», не объясняют вопросов, которые обязательно «основатель» и «редактор» должны были решить, прежде чем один даже номер журнала окажется в руках читателя. Между тем документы, в которых впервые появляется название «Гражданин» и предлагается решение вопросов, с его изданием связанных, отмечены началом августа 1871 г. Составлены и подписаны документы Градовским. Потом следуют другие, и в некоторых из них и намного позже фамилия Градовского соседствует с фамилией Мещерского, они вписаны рядом.

Первый документ — прошение Градовского от 9 августа 1871 г. в Главное управление по делам печати.

«Представляя при этом программу предполагаемого, с 1 января 1872 года, в С.-Петербурге, повременного издания, под названием „Гражданин“, с означением цели этого издания, сроков выхода и подписной цены, имею честь покорнейше просить о разрешении мне издавать и редактировать по означенной программе помянутое повременное издание, с изъятием от предварительной цензуры. При этом прилагаю: а) Копию с формулярного о службе моей списка и б) Заявление, коим принимаю на себя ответственность по изданию и редактированию означенной газеты в качестве ответственного редактора и издателя. Имею честь присовокупить, что помянутое повременное издание, в случае его разрешения, будет печататься в типографии Скарятина, помещающейся на углу Фонарного переулка и Екатерининского канала.

По получении разрешения обязуюсь представить установленный залог».¹⁵

За подписью и числом Градовский указывает свой адрес: в Казанской части, на углу Глухого и Прачешного переулков.

В заявлении Градовского от того же 9 августа 1871 г. сказано, что в случае разрешения газеты «Гражданин» он принимает на себя ответственность по заведованию и редактированию издания в качестве издателя и ответственного редактора.¹⁶

О запросе Главного управления по делам печати III Отделения относительно «удовлетворения означенного ходатайства» Градовского уже было упомянуто ранее. Запрос помечен 9 августа 1871 г.,¹⁷ отношение III Отделения — 14 августа.¹⁸

В Главное управление по делам печати Градовский обращается уже с составленной программой газеты-журнала, указывает объем и периодичность издания, называет типографию, в которой намерен печатать. Кстати, типография выбрана им рядом с домом, в котором

¹⁵ ЦГИА, ф. 776, оп. 5, 1871, № 95, ч. 1, л. 1.

¹⁶ Там же, л. 2.

¹⁷ Там же, л. 19.

¹⁸ Там же, л. 20.

сам он проживал. Конечно, все это было им обдуманно и оценено значительно раньше 9 августа 1871 г., но и раньше, чем Мещерский «начал серьезно собираться издавать» тот же журнал.

И еще один документ, в котором все еще сведения только о Градовском, — предложение заведующего Главным управлением по делам печати Петербургскому цензурному комитету от 17 сентября 1871 г.

«Г. управляющий Министерством внутренних дел изволил разрешить надворному советнику Градовскому издавать в С.-Петербурге, под его редакторством, без предварительной цензуры, по прилагаемой при сем в копии программе, повременное издание под названием „Гражданин“.

Предлагая о сем С.-Петербургскому цензурному комитету к надлежащему сведению, считаю нужным присовокупить, что издателем не внесен еще установленный залог на право издания означенного журнала без цензуры, и что о внесении сего залога Комитет будет своевременно поставлен в известность».¹⁹

Это обещание затянулось исполнением до 29 ноября 1871 г., когда из отношения № 5249 в Петербургском цензурном комитете действительно стало известно, что «по бесцензурному изданию журнала „Гражданин“ ныне внесен надлежащий залог, вследствие чего издателю надворному советнику Градовскому выдано установленное на право печатания журнала свидетельство».²⁰

Градовский по документам издатель, в его руках свидетельство на право печатания, но все это за счет отказа от издательских прав в пользу Мещерского. В заявлении с канцелярской пометой «25 октября 1871 г.» Градовский и Мещерский писали: «Имеем честь уведомить Главное управление по делам печати, что из нас Градовский передает свои издательские права князю Владимиру Петровичу Мещерскому на разрешенный ему, Градовскому, политический и литературный журнал „Гражданин“ без предварительной цензуры, а я, князь Мещерский, принимаю на себя передаваемые мне Градовским права по изданию означенного журнала».²¹

29 ноября 1871 г. Мещерский и Градовский заключили договор, которым были в сущности отобраны права у Градовского и как редактора. Вот часть вступительная договора и некоторые из его пунктов:

«Я, князь Мещерский, имею право на издание еженедельной газеты „Гражданин“ по опубликованной программе, внося потребный для издания залог две тысячи пятьсот рублей. Означенное издание я, князь Мещерский, с ведома Главного управления по делам печати, передаю в арендное содержание г. Градовскому, сроком впредь на два года, считая со дня начала издания, то есть, с первого января тысяча восемьсот семьдесят второго года по первое января тысяча восемьсот семьдесят четвертого года, на следующих условиях: 1) Из всей прибыли, имеющейся выручиться от издания, г. Градовский должен оставлять в свою собственность ежемесячно

¹⁹ ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1871, № 74, л. 1.

²⁰ Там же, л. 2—2 об.

²¹ ЦГИА, ф. 776, оп. 5, 1871, № 95, ч. 1, л. 39.

по двести пятьдесят рублей сер., что составит ежегодно три тысячи рублей; а остальную сумму, какая оставаться будет затем и за расходами по изданию, о коих сказано будет ниже — обязуется за арендаторское право сего издания выдавать мне, князю Мещерскому, ежегодно, производя такой платеж каждый год между первым и пятнадцатым числами декабря; 2) Г. Градовский, принимая на себя обязанность быть редактором сказанного журнала, обязуется наблюдать, чтобы все статьи оного были согласны с общепользною и нравственною целью, то есть с тою именно программю, которая положена в основание издания сей газеты; 3) Упомянутый выше залог — две тысячи пятсот рублей, составляют навсегда полную собственность мою, князя Мещерского, и если бы правительством что-либо было удержано из оного, за неправильное действие, то г. Градовский обязуется удержанную сумму пополнить в течение двух месяцев со дня удержания оной (...). 6) В случае, если г. Градовский нарушит общепользное нравственное направление газеты и таковое нарушение будет доказано мною, князем Мещерским, по суду, то я, князь Мещерский, имею право прекратить арендный срок сего договора и ранее истечения оного и произвести расчет с арендатором, г. Градовским, по день отобрания от него сказанной газеты, то есть получить с него, г. Градовского, все то, что мне, князю Мещерскому, будет следовать из подписной суммы на газету, за вычетом расходов по день нарушения контракта; 7) Все приходо-расходные книги должны быть мне, князю Мещерскому, открыты во всякое время и кроме сего, я, князь Мещерский, имею право прочитывать все статьи, изготовляемые к напечатанию в газете, и отмечать все статьи, признаваемые мною за неподлежащие к напечатанию, и если, затем, сказанные статьи, несмотря на таковую отметку мою, будут напечатаны, то я, князь Мещерский, имею право немедленно сей арендный контракт нарушить на законном основании».²²

Передать свои издательские права Градовского скорее всего понудило отсутствие необходимых средств на залог и покрытие значительных начальных расходов. Труднее понять и определить причины согласия его на тяжелейшие условия договора. Он был, возможно, прав, указывая на собственную неосторожность и немалый соблазн, заключенный в роли редактора издания,²³ им же, добавим, задуманного. Но вот он как будто что-то понял, и уже единственным помыслом его становится поскорее освободиться от этого тягостного положения. Явилось удивление и стало казаться странным, почему Достоевский согласился занять его место. Достоевский, писал Градовский, «не заговаривал об этом, а я не считал уместным навязывать ему те впечатления и выводы, которые вынесены были мною из сношений с князем Мещерским».²⁴

²² ЦГИА, ф. 776, оп. 5, 1871, № 95, ч. 1, лл. 47—48.

²³ *Градовский Г. К. Итоги (1862—1907)*. С. 4.

²⁴ Публицист-гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Григория Константиновича Градовского. С. 8.

Условие на передачу Достоевскому прав редактора-издателя «Гражданина» неизвестно, однако же такое условие составлялось. В совместном прошении, представленном Главному управлению по делам печати, об этом сказано так: «Копия же с условия, имеющего быть заключенным между князем Мещерским и Федором Достоевским, будет представлена в Главное управление по делам печати, взамен таковой же копии с условия между князем Мещерским и надворным советником Градовским».²⁵

Допустимо думать, что представленное «взамен» и это условие в главном клонилось к выгоде Мещерского. «... у журнала, — вспоминал один из современников, — очутилось двое хозяев (. . .) у которых хотя и была одна и та же задача, но каждый употреблял для ее разрешения различные средства, вследствие чего соглашение между ними достигалось с большим трудом».²⁶

Недоумения и недоразумения между редактором и собственником — каждое в условиях соглашения, начиная с противодействий Достоевскому упорядочить работу редакции («Секретаря у нас нет, но я настояю что будет, ибо вижу, что он необходим» — 29₁, 262), начиная с объяснений, связанных с публикацией сомнительных сведений («Мещерский слишком небрежно обращается со мною, не изъявив даже сожаления, что я буду сидеть за него» — 29₁, 274), кончая грубыми замечаниями и такими же наставлениями, как вести журнал («Мещерскому на его грубое письмо я отлично ответил — без задору, ровно, строго, прямо. Не посмеет более себя выказывать». «... князь, ради Бога, не считайте, что я беспрерывно желаю с Вами грызться и Вам противоречить по журналу. Возьмите лишь в соображение и могущее во мне образоваться настроение и мой личный взгляд и тогда поймете, что я не могу же не заявить моего мнения в деле, столь прямо касающемся и меня» (29₁, 282, 314—315).

2

С немалой долей особой осторожности редакция ПСС Достоевского заново и вполне перепроверила и закрепила «приписываемое» великому писателю. Это всего только шесть статей, атрибуция которых Достоевскому исходит из самых достаточных данных и не вызывает каких-либо сомнений. Так видится редакции.

В числе шести — впервые включенный в собрание сочинений «Ответ на протест», связанный с публикацией в журнале «Гражданин» «Письма вольнодумца», пятого по порядку из обнародованных князем Мещерским под буквой «О»²⁷ и письмом-протестом читателя журнала.

У «Вольнодумца О» рассказано о молодом «нигилисте ученом», выпускнике Петровской академии земледелия и лесоводства,

²⁵ ЦГИА, ф. 776, оп. 5, 1871, № 95, ч. 1, л. 64.

²⁶ Александров М. А. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 г. // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 225.

²⁷ Гражданин. 1873. 23 июля. № 30. С. 824—831.

отлично знаем, конечно же по его, выпускника, словам только, и агрономии, и лесное хозяйство, луговое хозяйство и химию. Свои познания он заявляет особенным образом, ни на минуту, кажется, не забывая высказать и собственные достоинства. Он взялся управлять имением, привез с собою немало «философических» книг и молодую жену, «стриженную по последней моде». «Я успел осмотреть вашу экономию и хотя капитал моих познаний, говорил он, настолько значителен, что соответствует поприщу деятельности более широкому, если могу так выразиться, но я не прочь позаняться и у вас, если только буду пользоваться безусловною свободою». Но из его знаний и намерения «позаняться» при полной свободе выходило лишь то, «что господин управляющий аккуратно брал свое жалование и ничем другим своей экономической деятельности не проявлял».²⁸

Вслед за появлением в «Гражданине» «Письма вольнодумца» Достоевскому, редактору журнала, было доставлено протестующее письмо И. О. Левитского, кандидата Петровской академии по отделению сельского хозяйства, окончившего полный курс академии в 1871 г. Возмущенный нелепым очерком «вольнодумца», Левитский просил уточненных данных, объясняя свою просьбу необходимостью разоблачения грязной клеветы и несправедливых упреков, «которым незаслуженно подвергаются скромные труженики в области науки сельского хозяйства, действительно кончившие курс наук в Петровской академии по агрономическому отделу».²⁹

«Ответ на протест» был опубликован 13 августа 1873 г.³⁰ В «Ответе» объединены письмо Левитского, собственно ответ «вольнодумца», примечание редактора.

Достоевский свое примечание отнес не к тексту письма Левитского, где и должно, казалось бы, примечанию быть, а к сетованиям «вольнодумца» о недопустимости называть приведенные им факты грязной клеветой и вымыслом большого воображения. В примечании писателя выражение «грязная клевета» оказывается несчастным, в письме Левитского он находит «горячие слова» и если и помещает это письмо «без всяких пропусков, то единственно по просьбе и по настоянию своего корреспондента „Вольнодумца О“, к которому горячие слова г-на Левитского столь прямо относились» (27, 163).

Содержание примечания и место, назначенное ему в «Ответе», вносят оттенок сомнительности в заверения «вольнодумца» Мещерского о том, что все рассказанное им о его нигилисте «в виде фактов — безусловно верно от начала до конца» (27, 163). И «вольнодумец» пытается еще толковать о правде! «Предполагая, что имею дело с людьми, говорящими и чтущими правду, полагаю и то, что этого заверения моего достаточно для опровержения более чем смелых и чересчур легкомысленно высказанных слов г-на Левитского» (27, 163).

²⁸ Там же.

²⁹ Гражданин. 1873. 13 авг. № 33. С. 896.

³⁰ Там же. С. 896—898; см. также 27, 161—166.

Свой «Ответ», имеющий подзаголовок «Письмо к редактору», Мещерский начинает обращением к Достоевскому:

«М(илостивый) г(осударь).

Вы были так обязательны, что передали мне по принадлежности письмо г-на И. О. Левитского, заключающее в себе протест против рассказанного мною в одном из писем „Вольнодумца“ случая с нигилистом, управляющим имением» (27, 161).

Он, Мещерский, предлагает напечатать письмо в журнале и дать ему возможность ответить на этот протест.

Ответ Мещерского, однако, и в малой степени нельзя считать убедительным. Это нескончаемый ряд недомолвок и сознательное уклонение от выяснения истины, обвинение автора письма в злоупотреблении доверием читателей, в самоуверенном распоряжении, как указывает Мещерский, «не только вопросом о том, получил ли мой нигилист золотую медаль или не получил, но даже самыми фактами, мною переданными» (27, 162). Письмо Левитского, заявляет князь, из числа бьющих на эффект, его же Левитского, опровержения построены «на основаниях, коих шаткость мы сейчас выставили» (27, 163).

Какие же это основания и в чем их шаткость, «выставленная» Мещерским?

Он спрашивает Левитского, «уверен ли он в том, что кончивших курс по агрономическому отделу в Петровской академии со дня ее основания было всего только четверо?» (27, 162). Но автор письма отмечает другое. Он говорит не вообще об окончивших курс, в том числе удостоенных звания действительного студента, количество которых по Отделению сельского хозяйства было более ста человек, но о тех, кто окончил академический курс со степенью кандидата по отделу агрономии: «Зная судьбу всех кандидатов», «кончивших курс наук в Петровской академии по отделу агрономии до сих пор всего четыре человека» (27, 161). Мещерский намеренно этого не замечает и пишет: «...я самым решительным и положительным образом протестую против уверения г-на Левитского о том, что за все время существования Петровской академии было всего четыре выпущенных воспитанника; удивляюсь, как и его не удивляет такое невероятное уверение» (27, 163).

Несколько ранее он поправляет автора протеста: «...я нигде не сказал, по какому отделу (по агрономическому или по другому) кончил курс мой нигилист» (27, 163). И верно. В «Письме вольнодумца» об «отделе» и, главное, «агрономическом», нет никакого упоминания, но уже в начале письма значится «это нигилист ученый», а далее: «все то отлично знал молодой агроном»,³¹ все же агроном, тот, конечно, «кончивший курс наук в Петровской академии».

Замечание Левитского, сделанное скорее предварительно, о том, что выпускники академии не награждаются какими бы то ни было

---

³¹ Гражданин. 1873. 23 июля. № 30. С. 824.

знаками отличия или золотыми медалями (27, 161), оказывается для Мещерского достаточным, чтобы вновь «выставить» шаткость оснований Левитского и заявить о собственной правоте: «Я сказал: „чуть ли не с золотой медалью“, то есть не вполне уверенно, что и обозначил явственно; ибо иначе я сказал бы просто: „кончил курс с золотой медалью“. Зато смею уверить г-на Левитского, что все, о чем я упоминаю уверенно, — действительно совершилось и есть для меня полная и проверенная истина» (27, 163).

Или по другому поводу его, Мещерского, вывод: «Вот вам фраза, сейчас же приводящая в слезы многих читателей. Понятно, о ком здесь идет речь: о нечаевских сподвижниках (...) те дурные люди, от них в ста шагах воняет нечаевщиною» (27, 163—164).

Мы вынуждены были несколько подробно остановиться на «Ответе на протест», его содержании и его оценке только потому, что этот «Ответ», как было отмечено ранее, приписан Достоевскому, включен в отдел «Приписываемое Достоевскому» 27 тома ПСС Достоевского и всем соответственным примечаниям к «Ответу» в томе придано качество защиты бесспорности приписывания.

В основание странной вероятности составителем примечаний положено письмо Мещерского Достоевскому от 19 августа 1873 г. А далее, в подкреплении только, довольно сомнительное замечание о Мещерском, которому, «чтобы еще раз вернуться к „протесту“ (Все-таки еще раз! Второй?) (...) пришлось выдумать мифического господина N, от которого якобы пришло еще одно возражение» (27, 420), потом обращение к стилю «Ответа» и приметам, указывающим на стиль Достоевского, усиленное отыскивание причин, которые могли «заставить Достоевского незамедлительно и самому ответить на письмо читателя» (27, 421), и такое же усиленное отыскивание соответствий в «Ответе» и в произведениях Достоевского, в его заметках из записных тетрадей и т. п.

Ограничимся только двумя примерами.

Из «Ответа»: «...о тружениках науки по отрасли сельского хозяйства что-то мало было слышно!». Из пояснения составителя примечаний: «В перечне главнейших идей на ближайшее время в записной тетради 1872—1875 гг. Достоевский намечал: «...энергичское земледелие. Это подвиг для всей России — (нрзб.) подвигов и науки — всего. Ставлю на вид молодежи» (27, 424).

Из «Ответа»: «...я лично знаю (...) более четырех молодых людей...». Из примечания: «Сведения о выпускниках Достоевский мог получить от своего шурина (...) учившегося на сельско-хозяйственном отделении Петровской академии...». Особенно частыми были их встречи, когда шурин «с энтузиазмом готовился купить имение, чтобы самолично заняться земледелием» (27, 423).

Мещерский в письме к Достоевскому, написанном в воскресенье 19 августа 1873 г., сообщал:

«Получил ваше письмо, милейший Федор Михайлович, с приложениями! Признаюсь, рассмешил меня почтенный Веттер, узнав себя в моем очерке нигилиста! Жаль, что вы не сказали, что сам автор не знает имени героя, и знать его не хочет, ибо интересен

не он, интересен факт! По этому поводу в письме IX, которое надеюсь выслать в четверг, скажу несколько слов. К Вашему ответу нечего прибавлять, разве только то, что эти господа, по-видимому, не могут или не хотят понять, что суду подлежит только клевета или пасквиль именная, а не безымянная относительно лица, выставленного героем. Если допустить их рассуждения, то всякий автор повести или романа, берущий из жизни то, что он слышит, подлежал бы суду, ибо непременно находились бы лица, которые бы себя узнали в том или другом факте!» (27, 420).

Нет ни малейшего сомнения, что Мещерский «приложениями» называет, во-первых, письмо в редакцию «Гражданина» некоего «почтенного Веттера» по поводу очерка о «нигилисте ученом» и, во-вторых, ответное письмо Достоевского тому же «почтенному Веттеру». На это письмо Достоевского как редактора «Гражданина» указывают слова Мещерского: «Жаль, что Вы не сказали...» и еще: «К вашему ответу нечего прибавлять...».

Письмо Веттера подсказало «вольнодумцу» новую и емкую для собственных рассуждений тему будущего девятого его письма. Было в этом и несколько от огорчения: в ответе Достоевского не нашлось места мнению Мещерского о герое и факте. Собственное письмо Мещерский надеялся «выслать в четверг», то есть 23 августа 1873 г. Но с отсылкой его он скорее всего запоздал, потому что в № 35 журнала, материалы для которого по заведенному порядку или правилам Достоевский окончательно отбирал и готовил именно в четверг 23 и пятницу 24 августа, было напечатано только VIII письмо. IX письмо появилось только в следующем номере 3 сентября 1873 г. Его открывало название, можно сказать, простое и ясное: «Еще объяснение по поводу нигилиста». Так же просто начиналось письмо, правда, не без попытки укрепить правоту относительно числа окончивших курс Петровской академии.

«Только что успел ответить на письмо г. Левитского, по поводу моего нигилиста письма VI-го, как получаю из редакции „Гражданина“ другое письмо г. NN, объявляющее что будто он себя узнает в сделанном мной очерке, но узнает не из фактов, а потому-де, что он один во всей России из кончивших курс в Петровской академии по агрономическому отделу, поступил в управляющие имением, туда-то и в таком-то году.

Прежде всего, значит, оказывается, что г. Левитский ошибся, объявив счет решительно, что всего окончивших курс по агрономическому отделу было четыре и эти четыре никогда не были управляющими имениями. Значит, протест его рушится в самом главном аргументе! *Avis ou lecteur.*

Но автор второго письма говорит, что факты *крайне искажены* и, уж разумеется, тоже просит назвать ему имя того нигилиста, о котором шла у меня речь».³²

Итак, вот существенное свидетельство о «приложениях» к письму, полученному Мещерским от Достоевского.

³² Гражданин. 1873. 3 сент. № 36. С. 970.

Между тем автору примечаний к «Ответу на протест» «очевидно», что Мещерский под словосочетанием «с приложениями» имел лишь «в виду последний номер „Гражданина“ от 13 августа» (27, 420). Автор примечаний нисколько не сомневается, что «Ответ на протест» написан Достоевским и что Мещерский с письмом Левитского и «своим» ответом познакомился только после их появления в журнале. И все это самым обыкновенным образом следует-де из содержания письма Мещерского к Достоевскому от 19 августа 1873 г. (27, 420).

Там же в примечаниях пояснено, что в письме Мещерского И. О. Левитский назван Веттером по имени известного немецкого богослова De Wette (1780—1849), отрицавшего подлинность ряда библейских книг; очевидно, Мещерский (Опять это все дозволяющее очевидно!) сравнивает с ним Левитского, сомневающегося в достоверности фактов, упоминающихся в «Письмах вольнодумца» (27, 420).

После такого ни с чем не сравнимого и не сопоставимого вывода не кажутся уже невероятными и странными ни утверждения о «довольно-таки расходящихся друг с другом» двух возражениях Левитскому, ни утверждение о выдуманном Мещерским «мифическом господине N, от которого якобы пришло еще одно возражение» (27, 420).

Молодой нигилист, кандидат Петровской академии и мифический господин! Понял ли, однако, Достоевский из письма Мещерского, что Левитский — тот же Веттер, который даже не Веттер, а де Ветте, известный богослов, вовсе, может быть, неизвестный Достоевскому?

Фамилия Веттер из числа определенно не часто встречающихся. Однако она, уверены мы, Мещерским без всякой на то причины и вдруг не взята по памяти, не составлена и не подправлена. За этой фамилией жизнь реальных лиц. Так, в адрес-календаре, или общем штате Империи с 1839 г., на протяжении более чем двух десятилетий упоминается некий Веттер Иван Иванович, губернский почтмейстер в г. Пензе.³³ По городу Чембару Пензенской губернии в 1858—1863 гг. показывается городской врач, лекарь Веттер Николай Иванович, видимо, брат предыдущего. И наконец, в работе Э. Б. Шёне по истории Петровской земледельческой и лесной академии (эта работа, заметим, указана в числе источников, использованных автором примечаний к «Ответу на протест») в сведениях о лицах, выбравших деятельность, не имеющую непосредственной связи с сельским или лесным хозяйством, под рубрикой «По медицинской части» отмечен: «Веттер Николай Иванович».³⁴ В число слушателей академии Н. И. Веттер был принят в декабре 1866 г. Выбыл из академии в 1871 г. Этот Веттер действительный студент по отделу лесоводства и действительный студент по отделу сельского хозяйства с правом на степень кандидата сельского хозяйства. Был врачом военного ведомства, умер в 1882 г.

³³ Общий штат Российской империи на 1839 г. СПб. Ч. 1. С. 677.

³⁴ Шёне Э. Б. Материалы для истории Петровской земледельческой и лесной академии. М., 1887.

Вот он не мифический господин NN — Николай Иванович Веттер. Это ему, Н. И. Веттеру, отвечает Мещерский в IX письме вольнодумца. Это о нем, Н. И. Веттере, обращаясь к Достоевскому, пишет Мещерский: «рассмешил меня почтенный Веттер». Это о Н. И. Веттере и И. О. Левитском напоминает Мещерский в том же письме: «...эти господа, по-видимому, не могут или не хотят понять». Это на письмо Достоевского к Н. И. Веттеру ссылается Мещерский: «К Вашему ответу нечего прибавлять».

Может быть, только в этом отношении и любопытно содержание «Ответа на протест». Однако приписывать «Ответ» Достоевскому — нет оснований.

Э. А. ПОЛОЦКАЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МОТИВЫ В РАССКАЗЕ ДОСТОЕВСКОГО «КРОТКАЯ»

Достоевский работал над «Кроткой» с конца октября до конца ноября 1876 г. и опубликовал рассказ в составе ноябрьского номера «Дневника писателя» того же года. Но история замысла не столь коротка.

Самые ранние следы семейной трагедии человека с темным прошлым, бывшего офицера, а теперь ростовщика, находим еще в набросках к двум неоконченным рассказам, сделанных в 1869 г. (9, 115—120). В них нет намека на самоубийство жены; напротив, в записях к замыслу, начинающихся с фразы: «NB. После Библии зарезал», речь идет о человеке («типе подпольном»), который не перенес ревности и сам убил жену-сиротку. Зато в обоих набросках ясно звучит мотив: «он ее надорвал», «надорвал ее сердце» (в рассказе герой также признается: «Измучил я ее — вот что!») — ср.: 9, 117, 119 и 24, 35).

К семейному конфликту, намеченному в набросках 1869 г., Достоевский вернулся под тяжелым впечатлением от волны самоубийств, прокатившейся по России в середине 1870-х годов. Самый близкий к «Кроткой» по времени и по содержанию художественный замысел, над которым писатель работал с весны 1876 по январь 1877 г., — неосуществленный роман «Мечтатель». В сохранившемся плане романа самоубийство названо «одной из болезней века» (17, 10). Здесь Достоевский собирался впервые в художественных целях использовать историю выбросившейся из окна девушки — эпизод, навеянный газетным сообщением в начале октября 1876 г. о самоубийстве швеи Марьи Борисовой.

Но работа над романом (в плане которого были и еще детали, вошедшие в рассказ, например — отказ героя от дуэли) затянулась бы, а желание высказаться по поводу «болезни века» жгло душу. И со всей страстностью публициста Достоевский заговорил об этой «болезни» в текущем, октябрьском номере «Дневника писателя» (разделы: «Два самоубийства», «Приговор»). Но и этого оказалось